

Художник и время

Вс. Москва - 1990 - Искит

АРХИПЕЛАГ

СУДЬБЫ

Уже почти три десятилетия, то срываясь на крик, то переходя на «самиздатский» шепот, звучит в русской литературе голос Александра Солженицына. Ошеломивший умы миллионов соотечественников лагерной судьбой зека Ш-854, то бишь «Одним днем Ивана Денисовича», появившегося в одиннадцатой книжке «Нового мира» за 1962 год, он уже не отпускал от себя читателя никогда, даже в те долгие годы, когда писатель вынужден был молчать. Впрочем, Солженицын не молчал никогда. А тогда публикация только первой его повести дала право А. Твардовскому, «виновнику» появления на свет «Ивана Денисовича», сказать: «Ни одно новое литературное явление уже не может быть рассматриваемо без сопоставления с этим художником».

Ныне же, когда почти все крупные вещи Солженицына увидели свет на Родине («Архипелаг ГУЛаг», «В круге первом», «Раковый корпус» и первые узлы «Красного колеса»), когда издательство «Советский писатель» готовит семитомное собрание его сочинений, когда трудно найти журнал, который бы не планировал что-либо из Солженицына, эпитеты в его адрес достигли всех превосходных степеней.

Однако это отнюдь не означает, что не осталось противоположных суждений. Правда, непохожих на те, что звучали с достопамятного 67-го, когда началась организованная, планомерная травля художника.

Лексика тех лет не отличалась разнообразием. Солженицыну попросту приклеивались ярлыки «очернителя действительности», «ярого антисоветчика», «человеконенавистника» и т. п. А гневные «письма трудящихся» в центральные органы печати и вовсе отличались подозрительным однообразием. Начинались они обычно так: «Я не читал, но считаю...» И далее — предатель, хулиган, враг... Литераторы, конечно, были оригинальнее. Поэт А. Сурков, например, говорил, что «произведение Солженицына для нас опаснее Пастернака».

Если хор хулиателей Солженицына в 60—70-е годы был всеобщим и лишь единицы смельчаков осмеливались защитить писателя (А. Твардовский, Г. Владимов, Б. Можжев, А. Чуковская), то сегодня, в 90-м, признанном на Родине Годом Солженицына, лишь единицы рискуют высказывать критические суждения в его адрес. И, на мой взгляд, вызывают всяческое уважение своей искренностью и самостоятельностью мысли. Да и их критика, разумеется, иного уровня.

В опубликованном собственном дневнике прозаик А. Злобин, характеризуя «ГУЛаг», пишет: «Солженицын снимает поверхностный слой — не дает себе труда (а скорее, не

может) забраться внутрь проблемы. Солженицын изобличает «архипелаг». По «архипелагу» его ведут озлобление, издевка, арестантская мудрость и память, щедрость пера, трагизм — все, что хотите, но только не мысль, не стремление к пониманию». И дальше: «Это путеводитель, а не философия». Известного критика А. Марченко настораживают «наши страсти по Солженицыну» и то, что мы «прощаем ему все». И почти демонстративный отказ от вмешательства в то, что с нами происходит, и вето на перепечатку публицистических выступлений, хотя, чего уж скрывать, именно прямого Слова ждала от вермонтского изгнанника взбаламученная Россия».

Да, вермонтский изгнанник, или вермонтский отшельник, как чаще называют Солженицына, уже более десяти лет безвыездно живет в своем небольшом поместье близ маленького городка Кавендиш на севере США. Лишенный в феврале 1974 года советского гражданства и тут же насильно на самолете Москва—Кельн выдворенный из страны, натерпевшийся гонений от властей, брани от соотечественников, непонимания западных журналистов, Солженицын принял решение запретить печатать какие-либо свои произведения без ведома автора

или его доверенного лица в СССР — В. Борисова, сотрудника «Нового мира». К сожалению, его запреты нарушаются сплошь и рядом.

Мода на Солженицына соблазняет отдельные издания и даже театры хвататься за него как за спасительную соломинку, использовать его имя не из идеологических или творческих устремлений, а для «актуальности» или хуже того — для поправки своих финансовых, а то и тиражных проблем.

И на столичной сцене, и на периферийных подмостках бедует многострадальный Иван Денисович, и по «Архипелагу» ставятся спектакли, и журналы грешат «самостийными» публикациями.

Но вернемся к Солженицыну. 1963 год. После триумфально прошедшего «Ивана Денисовича» «Новый мир» дает еще два рассказа: «Матренин двор» и «Случай на станции Кречетовка». «На публике» они прошли менее заметно, но профессиональный глаз литератора не мог не увидеть истинного художественного таланта автора. Скупой на похвалу В. Астафьев выразил это четко! «Считаю, что вершиной русской новеллистики является, на мой взгляд, «Матренин двор». И отдавая дань предшествовавшим «деревенщикам» — Овечкину, Абрамову, Солухину, — добавляет: «Вся наша

деревенская проза вышла из «Матренина двора».

Тут, что называется, ни убавить, ни прибавить.

Казалось бы, полная победа! Однако потихоньку начинаю сгущаться тучи. Знаменитый разгром Н. Хрущевым выставки художников-авангардистов в Манеже был расценен «властью придерживающими» как команда к возврату сталинских традиций в руководстве культурой. Хрущев «откатил бильярдный шар своей собственной головы к лузе сталинистов», — скажет позднее об этом повороте сам Солженицын.

Пока же он усиленно работает сразу над четырьмя крупными вещами: начат главный роман Р-17 («Красное колесо»), «Раковый корпус», пишется «Архипелаг» (включивший в себя 227 исповедей зеков), готовится к возможной печати «В круге первом».

Но... Первый сигнал об опасности — неприсуждение Ленинской премии. Потом, через год после падения Хрущева (осень 65-го), — арест его рукописей на квартире друзей. И покатилось...

Первое обсуждение в Союзе писателей (конец 66-го), объяснительные письма Солженицына Брежневу, IV съезду писателей, секретариату СП СССР. И как результат — второе обсуждение (читай: избие-

ние, казнь) на секретариате (сентябрь 67-го).

И ушел Солженицын в подполье. И работал, работал. В 68-м вышел на Западе «В круге первом», готовились там же другие произведения.

Далее, за отсутствием места, телеграфно: 69-й год — исключение российскими писателями Солженицына из республиканского союза, 70-й год — Нобелевская премия. Как объяснил всем журнал «Коммунист Вооруженных Сил» (№ 2, 1971 г.): «Нобелевская премия есть каинова печать за предательство своего народа». 71-й год — обыск и конфискация рукописей на даче и как ответ — публикация в Париже в 1973 году «Архипелага ГУЛаг».

По мнению бесстрашного и последовательного защитника Солженицына Л. Чуковской, этот акт по неизмеримости последствий может быть только српоставим со смертью Сталина.

«В наших газетах Солженицына объявили предателем, — пишет писательница. — Он в самом деле предал — не Родину, разумеется, за которую он честно сражался, и не народ, которому приносит честь своим творчеством и своею жизнью, а Государственное Управление Лагерей — ГУЛаг — предал гласности историю гибели миллионов...».

Дальнейшее известно: вызов на Лубянку, лишение советского гражданства, самолет Москва — Кельн...

— Уезжаю из России я, второй раз, — скажет позднее Солженицын. — Первый раз на фронтовых машинах, с наступающими войсками... А приезжал один: из Германии и до самой Москвы с тремя гебистами. И вот опять из Москвы с ними же, только уже с восемью. Арест наоборот.

Прошло полтора десятка лет... От ненависти, презрения, недоверия и страха трудно и постепенно Россия переходит к осознанию своей вины перед Солженицыным. К покаянию. Она вняла его призыву даже самые крупные общественные события, вплоть до государственных, мерить категориями индивидуальной этики «нашими душевными оценками: благородно, подло, смело, трусливо, лицемерно, лживо, жестоко, великодушно, справедливо, не справедливо...».

«Именно голос Солженицына, — пишет критик А. Латынина, — трезвый, примиряющий голос, предлагающий задуматься над мирными выходами для страны, над бесплодием всякой национальной ненависти, над продуктивностью пути медленных и терпеливых реформ, может сыграть благотворную роль в нашем раздираемом социальными и национальными противоречиями обществе».

Валерия ПРУТ.
(ИАН).